

лось согласие В.К. Плеве поддержать военного министра в том, что России следует ограничиться Северной Маньчжурией. Покровительствовавший до этого безобразовцам и Е.И. Алексееву, министр внутренних дел в ноябре 1903 г. забеспокоился, он признался А.Н. Куропаткину, что не понимает, «куда мы идём»¹¹⁹. В изображении А.Н. Куропаткина это походило внешне на воссоздание прежнего триумvirата и сочувствие ему В.К. Плеве. Однако эти меры не могли повлиять на ход русско-японских переговоров. Отказ от Квантуна не имел никакого значения: арендный договор России никем не подвергался сомнению и не служил поводом к войне. Да и действовал военный министр не в такт событиям: 23 ноября (6 декабря) русский ответ был уже готов, так что он со своей запиской явно опоздал. Кроме того, позиция А.Н. Куропаткина более показательна для характеристики его личной роли: сановник, активно участвуя во всех обсуждениях, тем не менее, выпадал из общей ситуации, а его предложение слабо коррелировалось с сутью русско-японской дискуссии. Согласие же нескольких влиятельных фигур поддержать даже такую записку А.Н. Куропаткина, пусть и по разным причинам, в первую очередь отразило растущее в Петербурге недовольство политикой безобразовцев и Е.И. Алексеева.

11.5. Третий раунд

Очевидно, что не упорство Е.И. Алексеева, а подвижки в позиции России сыграли положительную роль в ходе переговоров. Российский проект обсуждался Генро 3 (16) и 4 (17) декабря 1903 г. В полученном 9 (22) декабря ответе Япония в сущности согласилась не увязывать корейский и маньчжурский вопросы¹²⁰. По большому счёту, главным моментом, неприемлемым для Петербурга, оставалось требование Токио исключить из предполагаемого договора статью о нейтральной зоне.

После этого российское руководство впало в продолжительные размышления. Е.И. Алексеев в ответ вновь заявил о недопустимости любых уступок и повторил свой излюбленный тезис: пусть Япония действует в Корее без

¹¹⁹ Там же. С.100. Запись 7 ноября 1903 г.

120 а) Статью 2-ую читать: “Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать Корее советы и помощь в видах улучшения управления Корейской империи”.

в) Статью 5-ую читать: “Взаимное обязательство не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе”.

с) Статью 6-ую исключить (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 21 декабря 1903 г. // Японская Белая книга... С.211). В содержащей ответ вербальной ноте японцы просили вернуться к маньчжурскому вопросу, но, похоже, удовлетворительное решение по Корее могло окончательно снять эту проблему.

новых соглашений с Петербургом, а пока предложил всесторонне обсудить русские интересы в королевстве¹²¹. Наместник был «лично глубоко убежден, что если мы сейчас заявим Токио, что остаёмся при существующих договорах, признающих независимость Кореи и равноправность в ней России и Японии, то она никогда не решится начать войну наступательную, без союзников, без денег и зимой»¹²². Аргументацию Е.И. Алексеев мог почерпнуть в том числе и из донесений Н.А. Распопова, который сообщал, что Токио просто не на что вести войну. Ссылаясь на Гонконг-Шанхайский банк, он полагал, что Страна восходящего солнца сможет продержаться максимум 3–4 месяца боевых действий, да и то за счёт добровольных пожертвований. Его вывод, сделанный для наместника, являлся оптимистичным: военные действия не грозили России серьёзными последствиями¹²³.

Николай II также не верил в то, что конфликт может начаться. Даже 13 (26) декабря 1903 г. в ответ на телеграмму Р.Р. Розена, полагавшего, что небольшой десант японцев в Корею – ещё не повод к войне, он заметил: «Высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по моему, и речи быть не может»¹²⁴. Два дня спустя царь уверенно заявил А.Н. Куломзину, что войны с Японией «не будет, потому что он её не желает»¹²⁵.

Казалось, что сдвиги в японской позиции дают реальные шансы на достижение соглашения. Поэтому откровенное затягивание переговоров наместником взорвало В.Н. Ламздорфа, который обвинил Е.И. Алексеева в стремлении сорвать их «всесторонним обсуждением». Министр упирал на то, что адмирал, несмотря на ясно выраженное желание Николая II продолжать дискуссию, дал делу «совершенно иное направление» (то есть, не управляется из Петербурга, что подсказывало и решение – устранить от переговоров)¹²⁶. Правда, и на этот раз царь не сделал надлежащих выводов, но влияние Е.И. Алексеева продолжало уменьшаться.

¹²¹ Е.И. Алексеев – Николаю II 13 (26) декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.82–83; Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.25–26.

¹²² Телеграмма Г.А. Плансона в Петербург 14 (27) декабря // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.66. На следующий день, 28 декабря, японский кабинет обсуждал последние приготовления к войне, так как уже не верил в успех переговоров с Россией (Okamoto Sh. Op. cit. P.99).

¹²³ Н.А. Распопов – Е.И. Алексееву 6 (19) декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Л.21–24.

¹²⁴ АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.189. Л.113.

¹²⁵ Куломзин А.Н. Мои занятия в Государственном совете // ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.727. Л.4.

¹²⁶ Записка В.Н. Ламздорфа Николаю II 15 (28) декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.62–64.

Для подготовки русского ответа самодержец 16 (29) декабря 1903 г. собрал в Петербурге Особое совещание под председательством великого князя Алексея Александровича, в котором также участвовали А.Н. Куропаткин, А.М. Абаза и В.Н. Ламздорф¹²⁷. По-видимому, обращение к давно опробованному способу решения сложных вопросов отразило не столько внимание к просьбе заместителя, сколько разочарование монарха ходом переговоров. Е.И. Алексеев, чью точку зрения представлял А.М. Абаза, по-прежнему заявлял о необходимости ничего не уступать Японии в Корее, предполагая апеллировать к позиции других держав, которые, по его мнению, станут протестовать, если Страна восходящего солнца водворится на Корейском полуострове. Он также требовал не уступать ничего в Северном Китае: «Наши интересы в Маньчжурии слишком существенны, Россия принесла в Маньчжурии слишком много жертв людьми и деньгами, чтобы позволить кому бы то ни было вмешиваться в её там дела»¹²⁸. А.Н. Куропаткин предложил отдать Японии половину Кореи (до 39 параллели) и Южную Маньчжурию¹²⁹. Его позиция на сей раз представляла из себя механическое объединение двух разных точек зрения (Е.И. Алексеева и своей по поводу Северной Маньчжурии)¹³⁰. Однако министр опять не получил поддержки, несмотря на то, что предварительно, 11 декабря В.Н. Ламздорф не без ехидства сообщил ему, что «с наслаждением» прочёл записку и обещал поддержку¹³¹. В целом, содержание обсуждения показало, что его участники не в состоянии достичь единства по важнейшим вопросам.

В сложившейся ситуации безобразовцы пошли на нестандартный ход. Во второй половине декабря А.М. Безобразов встретился с секретарём японской миссии в Петербурге. В двухчасовом монологе он изложил ход и результаты Особого совещания 16 (29) декабря. Не скрывая разногласий, А.М. Безобразов резюмировал позицию России так: правительство готово идти навстречу японским желаниям в Корее, но не в Маньчжурии, куда сделаны колоссальные вложения и где принесены значительные жертвы. В любом случае, если Россия останется в Маньчжурии или передаст её Китаю, она не может допустить там принцип равного соперничества держав¹³². А.М. Безобразов явно стремился убедить Токио, что он и его сторонники не стоят на пути русско-японского соглашения, но делал это весьма неуклюже. Поэтому Ш. Курино и

¹²⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.190–192.

¹²⁸ Мнение А.М. Абазы на совещании 16 (29) декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.27–31.

¹²⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.114–115.

¹³⁰ Там же. С.114–116.

¹³¹ Там же. С.113.

¹³² Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 6 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.16–16 turn.

английский дипломат Ч. Скотт, извещённый о встрече, сделали из монолога А.М. Безобразова совсем другой вывод – о том, что ситуация в Особом совещании недалеко ушла от анархии. А сам визит А.М. Безобразова они расценили как продолжение его борьбы с В.Н. Ламздорфом, справедливо предположив, что встреча косвенно говорила об укреплении позиций министра¹³³. Тем не менее, у Ш. Курино имелось мрачное предчувствие относительно исхода переговоров: его очень беспокоила слабость позиций В.Н. Ламздорфа, о которой свидетельствовал ход совещания 16 (29) декабря. Сам граф, беседуя с ним успокоительным тоном и обещая уступки, тем не менее, не смог сообщить даже сути русского ответа.

Визит А.М. Безобразова подтолкнул японского дипломата к ответному шагу. 29 декабря 1903 г. (11 января 1904 г.) Ш. Курино обратился к С.Ю. Витте с просьбой о встрече. Для японцев его оценки имели важное значение, так как они были склонны доверять сановнику. Отставной министр согласился, обусловив предстоящую беседу тем, чтобы сообщение о ней не посылалось по телеграфу в Токио, иначе его прочитают российские власти. Предусмотрительность была не лишней, так как заявления С.Ю. Витте носили скандальный характер и оказались исключительно важны для дальнейшего хода переговоров. Во время разговора сановник выразил поддержку В.Н. Ламздорфу и заявил, что они находятся в оппозиции русской политике на Дальнем Востоке, так как не имеют влияния и отстранены от дел. Собеседнику следовало усвоить, что не министр иностранных дел определял курс Петербурга, а это в свою очередь опрокидывало надежды на усиление позиций В.Н. Ламздорфа. Далее С.Ю. Витте отказался признать значение любых соглашений, объяснив, что вопрос не в их содержании, а в том, достаточно ли у сторон сил, чтобы настоять на своих планах. Таким образом председатель Комитета министров дезавуировал саму идею договорённостей. А чтобы собеседник не сомневался, он добавил: Япония не может соревноваться с Россией по ресурсам, как материальным, так и людским, поэтому игра в затягивание переговоров выгодна только России. Как только Петербург почувствует себя на Дальнем Востоке сильнее Токио, он станет действовать в соответствии со своими желаниями, а не договорами. Поэтому Японию в Корее не обезопасят никакие соглашения, единственный выход для неё – держаться естественной границы – моря¹³⁴.

¹³³ А.М. Безобразов, разумеется, сделал из встречи совсем другое заключение, далёкое от действительности. Он сообщил своему покровителю В.К. Плеве: «С японцами у меня всё обстоит благополучно, а именно, они знают, что если хотят с нами дружить, то через меня имеют возможность серьёзно испробовать это направление» (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 1 (14) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.586. Оп.1. Д.500. Л.4–5).

¹³⁴ Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 7 (20) января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91; Романов Б.А. Очерки... С.258–259.

Трудно было более выразительно дискредитировать ведущиеся переговоры, чем так, как это сделал С.Ю. Витте. Разумеется, он говорил это вполне сознательно, преследуя прежде всего свои цели. Экс-министр полагал, что в случае перерастания кризиса в войну Россию ждут тяжёлые испытания, тогда-то безобразовцы будут удалены, а к власти снова призовут его. Надо признать, что многоопытный сановник не ошибся. Однако разговор Ш. Курино с С.Ю. Витте не мог повлиять на содержание японского ответа 13 января: в Токио содержание беседы стало известно лишь 21 января.

Тем временем всё растущую тревогу испытывал самодержец. Итоги Особого совещания не удовлетворили Николая II, и он решил лично проявить инициативу. 18 (31) декабря царь напрямую указал Р.Р. Розену продолжать переговоры, предпочитая их срыву (удар по престижу России) утверждение Японии в Корее по договорённости с Петербургом, что опять шло вразрез с позицией Е.И. Алексеева¹³⁵. Однако текст телеграммы Р.Р. Розену, составленный министром и представленный царю 19 декабря (1 января), Николай II отвёрг (в нём содержалось уведомление о возможности дальнейших уступок России)¹³⁶. Императора не устроило не только это, но и критика взглядов посланника министром. С точки зрения В.Н. Ламздорфа, Р.Р. Розен оказался слишком привержен формуле «обменять Корею на Маньчжурию» (идея была действительно неудачной, так как позиции Петербурга в Маньчжурии не зависели от воли Токио, в случае реализации она обещала как минимум лишь унижительное дипломатическое поражение России, а в худшем варианте – войну, чего и опасался граф)¹³⁷. Не приняв точки зрения В.Н. Ламздорфа, царь предпочёл тактику балланса. Он через А.М. Абазу подтвердил Е.И. Алексееву: по всем делам Дальнего Востока следует обращаться к наместнику¹³⁸. Это не изменило фактического положения дел, но министру недвусмысленно указали его место¹³⁹.

¹³⁵ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.18–19.

¹³⁶ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.91–92.

¹³⁷ В.Н. Ламздорф – Николаю II 20 декабря 1903 г. (2 января 1904 г.) // Там же. Л.93–94.

¹³⁸ А.М. Абаза – В.Н. Ламздорфу 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // Там же. Л.102.

¹³⁹ К этому времени влияние самого А.М. Безобразова на переговоры было незначительным: его представления уже мало соответствовали реалиям. В конце декабря 1903 г. он всё ещё надеялся на союз Японии и России на основе неприсоединения (!) ни Маньчжурии, ни Кореи при охране корейской независимости совместно российскими и японскими войсками (Проект записки А.М. Безобразова 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.) // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.58–64). Впрочем, 1 (14) января 1904 г. он отбыл в Швейцарию к своей семье, лишившись всех возможностей воздействовать на ситуацию.

Третий раунд переговоров оказался временем борьбы В.Н. Ламздорфа преимущественно против позиции Р.Р. Розена. Министр пытался убедить Николая II в противоречивости взглядов посланника, чётко указав: именно нерешённость маньчжурского вопроса вызывает недовольство держав, что, собственно, и побуждает Японию жёстко требовать удовлетворения для себя в Корее в увязке с рядом уступок в Маньчжурии¹⁴⁰. Граф абсолютно точно обозначил главный нерв всей политической ситуации, что диктовало соответствующие действия. 20 декабря (2 января) В.Н. Ламздорф по поручению Николая II указал наместнику, какие именно распоряжения следует дать Р.Р. Розену. Всё-таки это были очередные уступки: Россия соглашалась изменить ст. 2, ст.5 принималась в прежнем японском варианте (взаимное обязательство не использовать Корею в стратегических целях), единственной проблемой осталась сохранённая ст.6 о нейтральной зоне в Корее¹⁴¹.

Министр, инструктируя Р.Р. Розена, сосредоточился на задаче: как оговорить права иностранцев в Маньчжурии. Граф подчеркнул: у Петербурга нет законных оснований отвергать их, пока существует суверенитет Китая над этой территорией. Следовательно, попытка не признавать это никак не могла повлиять на позицию Японии ни в Корее, ни в Маньчжурии (она могла и дальше требовать соблюдения там своих прав, также как и других держав)¹⁴².

Наместник, утратив контроль над переговорами, продолжал уверять Петербург в правильности своей позиции. 22 декабря (4 января) Г.А. Плансон (дипломатический чиновник при Е.И. Алексееве) телеграфировал в столицу от лица своего патрона: «Ручаюсь, что энергичные действия в Маньчжурии и Корее, основанные на завоевании Маньчжурии и существующих относительно Кореи договорах о нашей равноправности с Японией могут единственно привести ее к смирению»¹⁴³. Аналогичные послания адмирал и сам отправлял Николаю II¹⁴⁴.

А.М. Абаза пытался вернуть Е.И. Алексееву влияние в Петербурге, имея некоторую поддержку от Николая II: царь польстил твёрдости наместника, подчеркнув недопустимость уступок, а Маньчжурия, по мнению самодержца, и вовсе должна быть предметом переговоров исключительно между Китаем

¹⁴⁰ В.Н. Ламздорф – Николаю II 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.99–100.

¹⁴¹ Там же. Л.89–90.

¹⁴² В.Н. Ламздорф – Р.Р. Розену 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 г.) // Там же. Л.109–110.

¹⁴³ ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.66.

¹⁴⁴ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 13 декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.25–26.

и Россией¹⁴⁵. Однако реванш не состоялся: уже 31 декабря А.Н. Куропаткин пожаловался Николаю II на действия А.М. Абазы (он хотел, чтобы указания для Е.И. Алексеева направлялись только через Особый комитет Дальнего Востока, то есть предварительно обсуждались министрами) и царь согласился, распорядившись «сохранить установленный ныне порядок сношений»¹⁴⁶. Эта не вполне ясная фраза означала, что Николай II не допустит концентрации власти в руках Е.И. Алексеева и безобразовцев.

Третий по счёту русский ответ Р.Р. Розен вручил японцам 24 декабря 1903 г. (6 января 1904 г.)¹⁴⁷. Несмотря на все призывы, поступавшие из Порт-Артура, влияние Е.И. Алексеева на переговоры сократилось до минимума. Он с трудом согласился на 50-вёрстную нейтральную зону на границе с Кореей, не признавая её «выгодной нам»¹⁴⁸. Правда, в русском проекте по-прежнему фигурировала 39 параллель. Петербург вернул в соглашение Маньчжурию, сохраняя там за иностранцами (в том числе и за японцами) все договорные права, за исключением устройства поселений¹⁴⁹. Похоже, что это был тонкий ход,

¹⁴⁵ Две телеграммы А.М. Абазы Е.И. Алексееву 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2865. Л.19–27. Извлечение из них попало в «Малиновую книгу» (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.36–37).

¹⁴⁶ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.120. Запись 31 декабря 1903 г. Царь так и не принял определённой точки зрения относительно власти Е.И. Алексеева. 5 (18) января 1904 г. он разрешил наместнику сноситься по общим и военным делам исключительно с А.М. Абазой, но уже 13 (26) января подтвердил, что управление войсками на Дальнем Востоке находится в руках у Военного министерства (Там же. С.122–124).

¹⁴⁷ 1. Сохранить первоначальное изложение статьи 5-й, на которое императорское правительство выразило уже своё согласие, то есть: “взаимное обязательство не пользоваться никакой частью территории Кореи для стратегических целей и не предпринимать на побережье Кореи никаких военных работ, способных угрожать свободе плаванья в Корейском проливе”.

2. Сохранить статью 6-ю, относящуюся до нейтральной полосы (для той самой цели, которую императорское японское правительство имеет равным образом в виду, т.е. исключить всё, что могло бы повести в будущем к недоразумениям; подобная полоса существует, напр[имер], между русскими и британскими владениями в Средней Азии).

В случае, если вышеприведённые условия будут приняты, императорское правительство готово включить в проектируемое соглашение статью такого содержания:

“Признание Японией Маньчжурии и её побережья вне её сферы интересов, Россия же в пределах этой провинции не будет мешать Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретёнными ими в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства селтльментов” (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 7 января 1904 г. // Японская Белая книга... С.214–215).

¹⁴⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.120. Запись 31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.).

¹⁴⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.193–194.

придуманный столичными дипломатами: Россия лишь создавала видимость существенной уступки, так как уже приобретённых договорных прав у иностранцев в Маньчжурии имелось мало.

Некоторые результаты принесла даже запоздалая активность в Лондоне. 26 декабря (8 января) российский посол А.К. Бенкендорф встретился с британским министром Г. Лэнсдоуном. Ему было предписано разрушить неверное представление Англии о политике России в Маньчжурии. Петербург ещё раз выразил готовность признать права иностранцев там по действующим договорам, но настаивал и на защите собственных интересов. В.Н. Ламздорф серьёзно озаботился японской аргументацией и той платформой, на которой базировалась требовательность Токио. Ошибка заключалась в том, что произошло это слишком поздно. В принципе граф вполне правильно понимал, где лежит ключ к разрешению маньчжурской проблемы, однако глава Форин офис не удовлетворился разъяснениями посла, заявив, что слов недостаточно. Почему Россия не демонстрирует своё стремление на деле, например, не выведет войска из Нючжуана?¹⁵⁰ 31 декабря (13 января) на следующей встрече Г. Лэнсдоун напомнил А.К. Бенкендорфу также о том, что Петербург отрицает право иностранцев на селтлементы в Маньчжурии, а ведь они являлись трактатными. Англия не без удовольствия объявила, что воспринимает это как полное игнорирование прав иностранцев, в том числе и по договорам¹⁵¹. Через два дня российский посол был ещё раз огорошен заявлением Форин оффис, что Лондон понимает заявление Петербурга о гарнтиях договорных прав иностранцев как намерение России в ближайшем будущем присоединить Маньчжурию либо заключить с Китаем договор о протекторате над ней. Конечно, А.К. Бенкендорф не смог ничего ответить сразу британскому министру¹⁵².

Позиция Англии выглядела наигранной. Естественно, что вопрос о договорных правах в Маньчжурии был немедленно обсуждён между Лондоном и Токио. Японцы объявили их признание Россией иллюзорным, используя те же аргументы: российские войска продолжали занимать единственный доступный для иностранцев маньчжурский порт Нючжуан, а соглашение об открытии других портов Пекин не ратифицировал. Японии также не понравился запрет на создание иностранных селтлементов¹⁵³. Разумеется, Токио подыгрывал Лондону, ведь без поддержки Англии война с Россией была вряд ли возможна. Поэтому нетрудно заметить разницу в заявлениях Ш. Курино и Т. Хаяши относительно хода переговоров с Россией, которые делались в Петербурге и Лондоне. Вряд ли Япония горела желанием развязать

¹⁵⁰ Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 8 января 1904 г. // PRO FO. 65/1677. P.32.

¹⁵¹ Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 13 января 1904 г. // Ibid. P.24.

¹⁵² Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 15 января 1904 г. // Ibid. P.30.

¹⁵³ Г. Лэнсдоун – К. Макдоналду 8 января 1904 г. // Ibid. P.32–32 turn.

войну исключительно из-за прав иностранцев в Северном Китае. Но вопрос о Корее по-прежнему не получил разрешения, да и могло ли соглашение состояться в принципе – это вызывало в Токио всё больше сомнений. Поэтому защита прав иностранцев в Китае являлась необходимой составной частью японской позиции.

И всё-таки 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Генро решил продолжать переговоры с Россией, даже в случае получения очередного неудовлетворительного для Японии ответа. То есть, разрыв отношений ещё не был предreshён. Тем не менее, атмосфера постепенно накалялась: вместе с сообщением о заседании совета, Ю. Комура предписал Ш. Курино проявлять минимум самостоятельности и все, даже малозначительные действия, согласовывать с Токио¹⁵⁴.

11.6. После третьего раунда

31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Р.Р. Розен получил ответ Токио, ставший последним¹⁵⁵. Из него проистекало, что стороны как будто нащупали консенсус относительно Маньчжурии. В случае, если Россия обязывалась соблюдать там договорные права иностранцев, Япония признавала всю Маньчжурию вне сферы своих интересов, а также специальные интересы России там и право на их защиту (это был далеко не режим «открытых дверей», который хотели бы установить Англия и США). Япония удалила из ст.5 слова о неиспользовании Кореи в стратегических целях. Главным спорным пунктом по-прежнему оставалась нейтральная зона в королевстве¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Ю. Комура – Ш. Курино 14 января 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Т.37. Ч.1. Токио, 1958. С.34–35.

¹⁵⁵ 1. Исключение первого пункта статьи 5-й русских встречных предложений (представленных японскому правительству бароном Розеном 11-го декабря), т.е., “не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей”.

2. Исключение всей статьи (6-й), относящейся до установления нейтральной полосы.

3. Принять русское предложение касательно Маньчжурии со следующими изменениями:

а) признание Японией находящимися вне сферы её интересов Маньчжурии и её побережья и обязательство со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии;

в) Россия в пределах Маньчжурии не будет мешать Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретёнными ими в силу существующих договоров с Китаем;

с) признание Россией Кореи и её побережья находящимися вне сферы её интересов.

4. Добавление статьи такого содержания: “Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать меры, необходимые для охраны этих интересов” (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 13 января 1904 г. // Японская Белая книга... С.216).

¹⁵⁶ Симанский П.Н. Указ. соч. С.196.